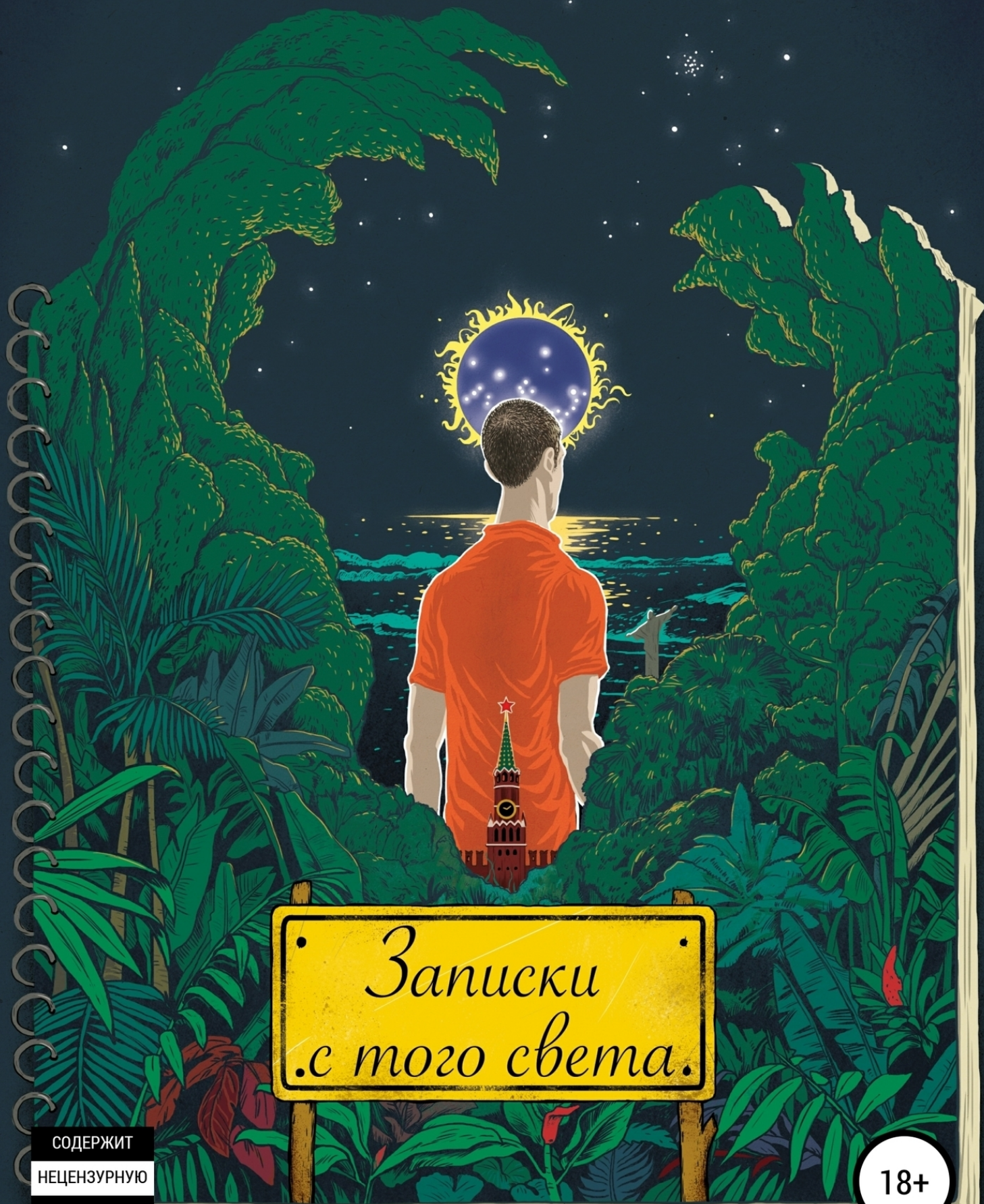

Александр Тимофеев

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Тимофеев
Записки с того света

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Тимофеев А.

Записки с того света / А. Тимофеев — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Это яркое автобиографичное произведение про молодого московского адвоката, который отправился в авантюрное деловое путешествие в Латинскую Америку. Там его ждали острые приключения: угарный клуб, жгучие красавицы, тюрьма и океан. Он прошел по лезвию судьбы, заглянув в бездну, но невидимая рука вернула его обратно в Москву. События, которые повергнут в шок читателя, не самое главное в этой книге. Как пел А. Башлачев: «А что там было в пути? Эти женщины, метры, рубли... Не важно, когда семь кругов бесконечного лада позволят идти наконец не касаясь земли». Главное – это внутренние переживания героя, глубокое чувство внутреннего одиночества, люди вокруг, катарсисы-открытия. В какие-то моменты герой становится настоящим. Таким, какой он есть на самом деле. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Записки с того света. Александр Тимофеев.

Предисловие

Тюрьма срывает маску с человека. В тюрьме ты не можешь скрыть свою сущность. Ты не можешь притвориться крутым. Ты либо являешься таковым, либо нет, и это видно всем.

Грегори Дэвид Робертс. Шантарам

Тюрьма резко кристаллизует человека.
Это подобно шоковой терапии. Изменения
революционные.

Человек сразу все вспоминает.

Осознание истин, для которых в обычной жизни потребовались бы годы, происходит здесь за считанные дни, часы, а то и мгновения.

В этой книге мне хотелось бы поделиться с вами драматическими событиями своей жизни и теми Открытиями, которые пришли ко мне.

Человек, который прошел тюремные будни, уже навсегда становится другим.

Приходит иное видение жизни.

Самое главное – он понимает цену свободы
и человеческих взаимоотношений.

Спасибо всем, берегите себя.

Всех ждет Амнистия.

Глава 1

Чёрт из табакерки

Чем глубже взгляну на жизнь свою и на все доселе ниспосланные мне случаи, тем глубже вижу чудное участие высших сил во всем, что ни касается меня...

Н.В. Гоголь

Однажды в Москве душным июльским днем, как черт из табакерки, нарисовался Вилфрид В-д.

Маститый немецкий адвокат, колесящий по миру в поисках богатых клиентов, нуждающихся

в нестандартной правовой помощи.

У него была новая идея, актуальная в России, – содействие в получении второго гражданства.

Вилфрид рассказал, что у него есть связи в одной латиноамериканской стране, где правительство, и особенно генералитет, относятся с пониманием к таким людям и способны ускорить процесс получения «инвесторами» VIP-гражданства.

«В России крутятся большие деньги и есть много страждущих, так давай мы с тобой поможем им», – заключил он.

Идея показалась мне интересной.

Вскоре среди российских бизнесменов нашлись желающие получить второе гражданство. Кто-то опасался за свою неприкосновенность в России, а кто-то просто, как говорится, на всякий случай или для того, чтобы без всяких визовых проблем путешествовать по миру.

Конечно, всех в первую очередь интересовала легитимность этой процедуры.

Вилфрид клятвенно заверял, что всё в порядке!

Он сказал: «Для начала я окажу содействие в получении легального паспорта тебе, ты приедешь и сам во всем убедишься».

И я согласился – не доверять Вилфриду оснований у меня не было, а дивиденды это дело сулило действительно немалые.

В течение года я пересылал ему необходимые для оформления гражданства документы, и вот он сообщил, что мой паспорт готов. Для снятия всех сомнений предстояло ознакомительное путешествие.

Мы договорились вместе вылететь из Мюнхена.

Вылет

По своей привычке я прибыл в здание аэропорта впритык, до окончания регистрации оставались считанные минуты.

Со словами «опаздываю, опаздываю, самолет улетит» я протиснулся сквозь стоявших в очереди пассажиров.

Приветливая девушка на регистрации на мою привычную просьбу посадить меня около окошка сказала, что я последний и выбирать не приходится – самолет полный, да и вообще регистрация уже закончилась. «Как так? – спросил я, – Еще же пятьдесят минут до вылета?»

– Да, но регистрация заканчивается за час, рейс международный.

Я вспомнил, что перепутал время регистрации внутренних и международных рейсов.

Но девушка была мила и начала оформлять мне билет.

Наконец-то он у нее в руках, она смотрит в компьютер и неожиданно рвет его.

– Что такое? – спрашиваю я.

Она уже сосредоточенно смотрит на монитор и говорит: что-то с программой.

Я уже начинаю напрягаться, в голове крутятся мысли, что программа уже закрыла регистрацию и у нее не получится зарегистрировать меня.

Но вдруг волшебница выдает мне новый билет.

Быстро прохожу все линии контроля.

При посадке узнаю знакомую персону – Сергей Стиллавин, я как раз в это время слушал его передачи на радио «Маяк». Он педантично с кем-то торговался по поводу своего контракта, обсуждал всякие мелочи. Я вначале подумал, что это юрист какой-то.

Очень нудный, скучный человек в реальной жизни.

Прохожу в самолет.

Присаживаюсь в кресло, по иронии судьбы Стиллавин оказался за моей спиной и брюзжал весь полет.

«Где тот искрящийся чувством юмора мужчина?» – подумал я.

Мне сразу вспомнился Михаил Зощенко, писавший острые юмористические рассказы и жутко страдавший от депрессий. Наверное, это компенсация. Для того чтобы находиться в балансе.

Прилетел.

Немецкий Дон Кихот

Долгая очередь на паспортный контроль.

Поддатые солидные мужчины хвастаются, кто сколько выпил сейчас, и вспоминают былые свои подвиги: «Помню, два литра «Хеннеси» уложили». Как мальчишки. Удивительно, уважаемые мужчины, а по сути подростки. Чем здесь хвастаться? Тем, что тебе сорок и ты бухаешь?

И это вершина среднего класса.

Вообще паспортный контроль проходил очень и очень медленно.

Наконец-то моя очередь. К этому времени историй про злоупотребление алкоголем я наслушался на всю оставшуюся жизнь.

У меня был шенген, но лысый пограничник просто замучил меня вопросами. Никогда раньше не сталкивался с вопросами при прохождении паспортного контроля в странах шенгена (вероятно, потому что летал в основном в южные расслабленные страны – Италию, Испанию, Грецию).

– С какой целью прибыли в Мюнхен?

– С деловой, – вначале сказал я.

Он стал мучить вопросами.

– Какие у вас здесь дела?

– С партнером встретиться.

– Что за партнер?

Я перестроился и сказал, что цель визита – туристическая. Ну не про паспорт же ему рассказывать.

– Что будете смотреть?

Я не смог внятно ответить на его вопрос.

– В Бразилию лечу, вот билет, в Мюнхене транзитом.

– На сколько прибыли в Мюнхен? Где жить будете? Есть ли обратный билет? В какой-то момент он уже вывел меня. Бразилия, Мюнхен, транзит – твердил я. А в голове крутилось «давай пропускай меня, лысый череп».

Эх, где же ты Италия?! Где сорок человек проходят паспортный контроль за пять минут, а пограничник под конец ставит штемпель уже куда попало, не глядя. Иногда даже не сверяя фотографии с личностью подателя паспорта.

Вообще все у него проводили не меньше пяти минут...

Наконец-то пропустил. В Германии при прохождении паспортного контроля надо отвечать четкими рубле-ными фразами, ясно обозначая все ключевые моменты визита в страну. Немецкий порядок начинается уже на границе.

Вилфрид уже ждал меня.

Мы вышли из здания аэропорта и сели в его «лимузин». «Мерседесу» было лет двадцать, не меньше.

Он был весь завален адвокатскими документами и еще черт знает чем. Для того чтобы мне сесть, Вилфриду понадобилось перегруппировать эту грудку. «Вот это да! – подумал я, – Плюшкин какой-то».

Поехали, дорога хорошая. Впечатлил футбольный стадион «Альянц Арена», мимо которого мы проезжали. Это домашняя площадка мюнхенской «Баварии». Красивый модный стадион. Этаким современным Колизей.

Вилфрид привез меня в отель.

Вечером он вновь удивил меня – мы пошли слушать органную музыку.

Я, наверное, во второй раз в жизни – первый раз был, помню, в школе.

Здание филармонии новое, современное, оригинальное. Не пахло нафталином, как часто бывает в России в культурных заведениях. Мне представляется, что запах нафталина – это необязательное условие «культурности» места.

В целом было интересно.

На следующий день катался с ним по Мюнхену. Встречи, встречи...

Он был, как Фигаро, – одновременно везде и... нигде.

Его задор дисгармонировал с возрастом.

Вилфрид снова поразил меня: парковался где хотел и как хотел, постоянно нарушая правила парковки. Когда мы выходили из здания, под лобовым стеклом нашей машины, как правило, трепыхалась какая-нибудь бумажка. Помимо этого, к правилам дорожного движения он относился пренебрежительно. Нам часто гудели. Нетипичный немец. Можно сказать, бунтарь. Но немецкая система наказывала его вновь и вновь, Вилли же нарушал и нарушал с такой же немецкой педантичностью...

Настоящий немецкий Дон Кихот.

МОЯ НЕВЕСТА. ЛЮБОВЬ, СЕКС И ДЕНЬГИ

Вечером Вилфрид встретил меня у отеля на своей чудо-машине, и мы поехали... Вдруг машина остановилась, мы вышли и увидели, как из нее вытекает жирное пятно масла – все, сломалась колымага. Образовалась большая лужа. Я такого еще не видел. Вид у Вилфрида был весьма озадаченный. Немцы, сидевшие в кафе на улочке, перед которым и случилась поломка, принялись комментировать ситуацию, некоторые подошли к машине и даже пробовали заглянуть под нее. Вердикт был однозначный: дело – дрянь. Выглядело это все очень комично.

Меня данная ситуация даже рассмешила.

Вилли позвонил в службу технической поддержки. Оперативно подъехала машина и эвакуировала наш экипаж.

Дальше мы пошли пешком.

Пришли не то в кафе, не то в пивную (в Баварии их трудно различить – пиво пьют везде и в любое время суток). Сам видел, как многие добропорядочные граждане вместо кофе выпивают в районе восьми утра пиво и... идут на работу. По моим наблюдениям, число пьющих

пиво по утрам – где-то процентов двадцать. И это не забулдыги какие-нибудь, а добропорядочные бургеры.

В заведении мы встретились с одной элегантно одетой старушкой лет семидесяти, типичной пунктуальной посетительницей фитнес-центров. Она долго и пристально смотрела мне в глаза, проявляла какой-то не-понятный интерес. После встречи я спросил у Вилли: «Кто это? И какая цель нашей встречи?». На что он ответил: «А ты не думал получить немецкое гражданство посредством женитьбы?»

Я даже опешил: «Ей сколько лет, этой фрау, моей невесте?» Вилфрид с немецкой расчетливостью и холодностью ответил: «А какая разница?» Я говорю: «Не знаю. Вопрос, конечно, интересный. В принципе. Но, возможно, есть иные невесты?» Вилли радостно закивал: «Есть, есть...»

– И сколько это стоит?

– Это зависит от того, будешь ли ты с ними спать.

– А они еще и на это рассчитывают?

– Да. Кстати, Хильде (той, с которой мы встретились) ты понравился.

– Есть еще одна, очень богатая, – он даже зажмурился и заговорил с придыханием: – Монако, яхта и т.д. Единственное, немного постарше Хильды.

– Сколько же ей лет?

– Немногим больше восьмидесяти, но выглядит на пятьдесят и очень любит секс.

– Нет, это не вариант. Я не настолько все-таки нуждаюсь в немецком гражданстве.

– Да какая разница, сколько женщине лет, если у нее есть яхта? – искренне удивился

Вилфрид.

– Нет, Вилли.

– Подумай. Кстати, такой возраст можно рассматривать как преимущество, – загадочно произнес Вилфрид напоследок.

– Закрыли вопрос, Вилли.

– Ну ладно, – сказал Вилфрид, а потом все-таки познакомил меня «случайно» с одной сорокапятилетней одинокой женщиной, русской, которая уехала из России лет двадцать назад.

Я уже не был удивлен.

К моему счастью, я ей не понравился – старая разборчивая дева с убеждениями. И я понял: русские женщины, даже прожившие двадцать лет в Германии, остаются все же русскими – и даже в пятьдесят ищут Любовь.

Мозг русской женщины, в отличие от немки, с большим трудом может разделить любовь, секс и деньги. И если она все же разделяет эти понятия, то все равно не может самозабвенно насладиться чем-то одним, так как подспудно испытывает чувство вины.

И как рыба, ищущая воду, все равно ищет любовь.

Анна Каренина...

Немецкая женщина легко способна разделить эти понятия, более того, они изначально разделены в ее голове. Если происходит их совпадение – она, конечно же, счастлива, но нет так нет, и она наслаждается чем-то одним, абсолютно не испытывая мучений и угрызений совести. Трудно на самом деле сказать, какой вариант лучше.

Все счастливые женщины похожи друг на друга, а каждая несчастная женщина несчастна по-своему.

Велосипед

Вилфрид решил, что по городу мне лучше всего передвигаться на велосипеде.

Мы пришли к нему домой – и, о ужас, такой захлавленной квартиры я еще не видел никогда. Я понял, почему он поселил меня в отеле, несмотря на то что сам жил в четырехкомнатной квартире один.

Это был сплошной хаос. Как ни странно, Вилли в нем очень хорошо ориентировался. Это был организованный хаос. Он мог легко найти в какой-нибудь груде сваленных на полу вещей нужную ему в данный момент. Это уникально.

Беспорядок был – как после демонстративного жесткого обыска полиции. Особенно мне запомнились белые трусы Вилфрида, которые были зачем-то надеты на чайник, и пара женских трусов-стрингов, забытых, я думаю, не знаю даже сколько лет назад, но так и валявшихся в ванной (так бывает в Индии: бросишь бутылку, приедешь через год, а она лежит, родимая, все на том же месте). На мой немой вопрос по поводу их присутствия Вилли о чем-то задумался, потом заулыбался.

В этой квартире он только спал и стирал вещи.

Кухня была в нерабочем и самом нежилом состоянии. Вилфрид стянул с чайника свои трусы и бросил их в кучу вещей – вероятно, чайник использовался для сушки трусов. От предложенного чая я отказался. Он присел рядом со мной на диван, посмотрел на сервант, и лицо его радостно прояснилось. Он встал, открыл дверцу серванта и достал оттуда набор шампанского: красное, розовое, белое.

– Какое будешь, Александр? – спросил он у меня.

– Розовое, – почему-то сказал я. Выпили розовое, потом и красное...

Затем вспомнили, зачем мы все-таки пришли, и пошли по тропинке между завалами вещей к балкону. Протиснулись на него, еле приоткрыв дверь, – нам надо было вытащить прижатый велосипед. Вилли жестом показал, что он приподнимет весь наваленный на велосипед хлам, а я буду его тащить. У меня получилось только наполовину вытащить велосипед, дальше он ни в какую не вылезал. Я развел руки – бесполезно. Но это был бы не Вилфрид, если бы он не довел дело до конца. Мы поменялись местами, и он, немного покряхтев и поколдовав (без волшебства здесь не обошлось), все же вытащил его. Вилли завалился бы назад, но груда вещей не позволила ему сделать это.

За всей нашей операцией по вызволению велосипеда все время внимательно, с непроницаемым спокойствием наблюдал со своего балкона, расположенного буквально в двух метрах от нашего, сосед Вилли. Да, смотрелось это, наверное, комично. Но он не проронил ни слова, ни один мускул не дрогнул на лице наблюдавшего за нами терминатора.

Выволокли велосипед на улицу.

Надо было накачать шины.

Мы стали искать велосипедный магазин. И, к моему удивлению, быстро его нашли. Их в Мюнхене немало, так же как и велосипедистов.

Накачали шины.

«Ну, вот, – торжественно вручил мне Вилли велосипед, – владей».

Вместе с велосипедом он дал мне еще и антиугонное устройство, поставив туда сложный код.

По его виду, когда он вручал мне это устройство, я понял – воруют.

Передвигаться по городу на велосипеде, который, кстати, назывался Mercedes-Benz, было сказкой.

В Мюнхене, как и во многих европейских городах, сделано все, чтобы поездка на велосипеде была комфортной.

Спасибо Вилфриду за велосипед.

Парк, семья и нация.

Квартира Вилфрида находилась недалеко от Английского сада – это великолепный, большой парк.

В выходные дни, начиная с вечера пятницы, немцы собираются там семьями. Расставлены лавочки, большие столы, и пиво льется рекой. Деды, отцы и внуки – все вместе за одним

столом. Худенькие стройные девушки тоже позволяют себе кружку-другую (емкость кружки – литр).

Особенно меня впечатлила семейственность и нерушимость поколений. Между дедом и внуком нет каких-то стен недопонимания, какие у нас часто возникают между поколениями. Они все вместе.

И большое единство нации в целом. Не мифическое квазипатриотическое и кем-то срежиссированное, а настоящее, исходящее откуда-то из глубины.

Мы – немцы. 100%-ная самоидентификация. Мы – баварцы, черт побери.

Многие были одеты в национальные баварские костюмы.

Когда в парке играли национальные марши, точь в точь как в фильмах про Великую Отечественную войну, по-рядка ста столов, а за каждым сидело где-то от шести до двенадцати человек, подхватывали песню в едином порыве. Мне даже становилось страшновато от их такой сплоченности.

Чувствовалось колоссальное единение. Какое бывает на футбольных матчах, когда фанаты вместе начинают что-то скандировать.

И я понял, что единство нации невозможно без единства семьи. Вначале идет единство внутри семьи, семьи – в широком понимании этого слова, не муж–жена–ребенок, а всей большой семьи – деды, прадеды и т.д.

И вот эти небольшие корешки могут вместе сплести корни единства нации в целом.

Национализм в Германии

Вилфрид познакомил меня с русскоязычной семьей из Украины, из Харькова. Им было где-то пятьдесят пять – шестьдесят лет. Когда развалился СССР, они уехали. Обосновались в Мюнхене и чувствовали себя неплохо. Какая-то тоска и ностальгия у них присутствовала, но возвращаться они категорически не желали. Мужчина занимался наукой и объяснил мне все предельно технократично и расчетливо: просто уровень жизни здесь, в Германии, по всем показателям выше. Качество дорог, воды из-под крана, еды, одежды, образования, науки и т.д.

Их тревожила только одна проблема – иммиграция в Германию мусульман. Исламский фактор.

«Немцы, – сказали они, – тоже недовольны, но нервно курят на кухнях и далее сор не выносят. Политкорректность, ...ыть ее за ногу».

Расслабленная Европа

В пятницу в парке настроение у всех было праздничным.

Много людей в маскарадных костюмах, молодые мужчины не стеснялись одеваться в наряды медсестер. Все крайне раскомплексованные, но без агрессии. Дружелюбны, и всем, по большому счету, в хорошем смысле этого слова, наплевать на окружающих: кто во что одет, как выглядит, что делает...

Мужчины-«медсестры» ходили с пивными кружками, и никто не интересовался их регистрацией (шутка).

Удивительно, но в парке не было и полицейских, которыми просто кишит любое мероприятие в России. Людям как будто не доверяют, как малым детям, за которыми только и нужен глаз да глаз. Вдруг какую гадость в рот потащат или подерутся. А, может быть, так оно и есть, что мы дети, за которыми надо присматривать?

Немцы пили и гудели вовсю, я ждал Вилфрида и наблюдал за окружающими.

Вся подобная атмосфера расслабленности и...порядка! была для меня непривычной!!

Я знал, что такое состояние расслабленности. Я знал, что такое порядок. Но соединение их вместе я увидел, признаюсь, впервые. Для этого следовало прилететь в Германию.

В парке была идеальная чистота, лавки стояли в строгие ряды, никто не нарывался на конфликт, хотя степень опьянения была у многих чрезмерной. Несмотря на то что мы сидели на улице, никто не курил, все отходили в специально отведенное для курения место. Масса мелочей, которые в совокупности позволяли получить полное ощущение свободы и порядка. Это было удивительно. Мне это нравилось.

Я увидел Вилли. Он с пивом уже шел ко мне. Я обрадовался ему, так как в этом семейном немецком ансамбле чувствовал себя одиноким. Мы радостно чокнулись. Выпили пива... Вилфрид заметил двух рядом сидящих с нами молодых немок, я подмигнул ему: «мол, действуй, Вилли».

Он подсел к ним – немки были не против. За ним последовал и я. Блондинка и брюнетка, лет двадцати, симпатичные. Мне запомнились их удивительно наивные и чистые глаза, особенно блондинки. Как у коровы, но осмысленные, просто очень наивные и чистые. Таких глаз не встретишь в Москве.

Пошел дождь, и мы побежали под купол. Настоящий ливень, гроза.

Вилфрид постоянно намекал девушкам, что он живет рядом с парком и есть шампанское...

Но немки не пошли... И правильно.

Вилли обменялся с ними телефонами и договорился о встрече.

Мы пошли через парк к Вилли домой, наслаждаясь чудесным свежим воздухом, какой бывает только после дождя. Пришли и практически молча вдвоем выпили все шампанское. Мы были очень пьяны.

На следующий день мы улетали в Бразилию.

Глава 2

Знакомство с Бразилией

Полёт

При вылете из Мюнхена мы решили воспользоваться моим новым паспортом. Было несколько не по себе, когда пограничник вбивал данные в компьютер и недоверчиво поглядывал на зеленоглазого «латино-американца» со славянской внешностью. Но долго ждать не пришлось. После прохождения контроля Вилфрид подмигнул мне.

Нас ждала промежуточная транзитная посадка в деловой столице Бразилии – Сан-Паулу.

Полет прошел на удивление легко. Несмотря на длительность перелета (более 12 часов), не было томительного ожидания и постоянных мыслей в голове: «Ну когда? Когда же мы прилетим?» Не понадобились даже маленькие бутылочки вина, предусмотрительно купленные Вилфридом в Мюнхене.

Висевшее передо мной табло показывало передвижение самолета, и его скорость меня устраивала.

Через пару часов полета я стал проваливаться в кошачью полудрему.

Немного мешала только хлопотливая девушка-украинка, летевшая вместе с компанией мужчин в возрасте, тоже украинцев. Они не знали ни слова по-английски, девушка же старалась всячески им угодить.

Сквозь дрему периодически проскакивали смешные украинские слова и их перевод, весь разговор в основном был посвящен еде и виски с колой.

Я только подумал: «Какой черт их-то дернул лететь в Латинскую Америку?»

Остальные пассажиры, в основном немцы, были тихи, невозмутимы и, по русским меркам, даже чопорны; но таковы уж немцы.

Мы прилетели рано утром. Я вновь предъявил «второй» паспорт. На этот раз никаких беспокойств прохождение контроля не вызвало.

В аэропорту я сразу почувствовал аромат Бразилии – запах свободы и зелени. Недаром на бразильском флаге доминирует зеленый цвет.

Воздух был насыщен влагой и свежестью. Мы были еще в аэропорту, а это уже ощущалось.

Особая энергетика.

Так начиналось одно из самых запоминающихся путешествий в моей жизни...

Гусары денег не берут

Выйдя из дверей аэропорта «Гуарульяс», я увидел деревья с сочной листвой, напоминавшие какие-то лианы, бурную зеленую растительность и радостно глотнул теплого бразильского воздуха.

Легкие отчетливо наполнились этим неповторимым утренним воздухом.

Я явственно представляю этот момент даже сейчас, спустя годы.

Тогда я еще жил и дышал «разрывая легкие».

Сделав пару вдохов полной грудью, зашел обратно в здание аэропорта.

Он был еще полупустым. Различные киоски и палатки не работали.

Вилфрид спросил меня: «Мы что, останемся в аэропорту и будем мучительно долго ждать здесь нашего дневного рейса? Или поедem в город и посмотрим его?»

Вопрос был риторическим.

Зная темперамент Вилли и по его настрою я понял, что сидеть в аэропорту он решительно не намерен. Со мной или без меня, но в город он поедет.

Уговаривать меня также долго не пришлось: несмотря на существенную разницу в возрасте, мы были два сапога пара.

Я только спросил его: «А как мы туда доберемся?»

Он быстро выяснил, что нам нужно заказать такси в одном из специализированных киосков. Но все они еще не работали, и мы стали ожидать открытия, расположившись у одного из них. Вилфрид достал бутылочки красного вина, которые были предусмотрительно куплены им еще в Мюнхене, но остались нетронутыми в полете, и мы выпили за прилет.

К нам периодически подходили редкие туристы, в основном немцы, и что-то спрашивали. Вилли охотно им отвечал. Выпитое вино и авантюрный склад характера подтолкнули его к мысли переместиться за прилавок туристического киоска. Он отодвинул заградительную цепочку и, изображая мимикой злоумышленника, проник по ту сторону прилавка. Учитывая, что наше «турагентство» было единственным работающим в столь ранний час, к нему стали подходить

туристы и расспрашивать о туристических маршрутах. Вилфрид с улыбкой, отхлебывая вино, что-то им повествовал, а также раздавал всем желающим брошюры и буклеты агентства.

Смотрелось это довольно комично. Я просто не мог сдерживать приступы смеха и, закрывая лицо, периодически отходил на расстояние, чтобы не мешать театру одного актера. Вилфрид же, бывший вначале немного скованным, постепенно распался; его белые щеки покрылись ярким румянцем, чувствовал он себя все более и более уверенным и осмелевшим. Думаю, этому способствовало и красное вино.

Повадками и активной жестикуляцией он уже стал напоминать распоясавшегося Хлестакова.

Я даже стал немного переживать за старика (а ему тогда было порядка шестидесяти лет): как бы его не забрала полиция.

Вообще, Вилли удивил меня: после двенадцатичасового перелета он не просто выглядел бодрым и энергичным – он феерил!

Глаза его искрились, язык работал без остановки.

Конкистадор–пассионарий, спустившийся со своего фрегата покорять Латинскую Америку.

Его энергия, позитивный настрой передавались всем присутствующим. Я же просто давился от смеха.

Те, кому Вилфрид открывался, не могли поверить в то, что он их разыгрывал. А убедившись в этом, все уходило с искренними улыбками.

Проходивших мимо девушек он сам призывно приглашал на «консультацию».

С одной симпатичной брюнеткой в очках у него завязался более продолжительный диалог, походивший, однако, больше на монолог Вилли. Он, как павлин, распустил перед наивной студенткой все свои многочисленные звания и регалии, особенно упирая на то, что является профессором. Периодически Вилли доставал то одну, то другую визитку, как бы все более увеличивая свой «павлиний хвост». Я и сам не подозревал, что у Вилфрида столько разных визиток и столько ипостасей. Многогранная личность. Что уж говорить о студентке – ее глаза все больше и больше округлялись.

Масштаб личности Вилфрида увеличивался подобно расширяющейся Вселенной.

Наверное, это происходило бы до бесконечности (как и со Вселенной), так как Вилфрид был подобен фокуснику, каждый раз доставая новую визитку и вновь начиная свой монолог, если бы наконец не открылся нужный нам киоск.

Девушке также надо было ехать в Сан-Паулу, и Вилли абсолютно гусарским жестом показал ей, что мы ее захватим. Она долго отнекивалась, но устоять перед его темпераментом и напором не смогла.

Мы подошли к нашему такси. Водитель пытался выяснить, куда нам ехать. Куда ехать, мы и сами не знали – наверное, поэтому Вилли сказал, что нам надо в центр. Таксист тем не менее упорно не мог понять, куда все-таки нам нужно.

Три раза он переспросил, точно ли нам надо в centro, и, трижды получив утвердительный ответ, с каким-то недоумением сказал что-то типа: «Ну, в центр, так в центр». Потом я понял причину его сомнений.

Оказывается, в Сан-Паулу, во-первых, центра в виде старого города как такового нет, есть буквально пять–семь зданий, представляющих хоть какой-то исторический интерес, поэтому и само понятие центра города практически отсутствует. Есть район Centro, куда нас и привез таксист. И этот так называемый центр города населен в значительной мере бездомными, бродягами, наркоманами, преступниками, проститутками и прочими люмпенами.

Мы сели в машину – я рядом с водителем, а Вилфрид вместе со студенткой – и поехали. Вилли по-прежнему о чем-то вещал, но его фразы становились все более лаконичными, и время от времени он даже позволял себе делать паузы. Чувствовалось, что силы старика не беспредельны и они на исходе.

Он напоминал заводную игрушку, которая еще делает по инерции движения, но они становятся все медленнее и медленнее.

Погода была ненастная: свинцовое небо и морозящий дождь.

Я смотрел в окно и разглядывал ландшафт. Он был индустриальный, без особых изысков. Со всех попадавших на глаза билбордов на меня смотрели либо футболист Неймар, либо фотомодель Жизель Бюндхен: они рекламировали все, что только можно. Создавалось впечатление, что эти двое просто поделили рекламный рынок Бразилии.

Наконец, как мне показалось, мы въехали в пределы города. Я спросил у таксиста: «Сан-Паулу?» Он утвердительно кивнул.

Город представлял собой нагромождение многоэтажных зданий, современных и не очень, которые были расположены, на мой взгляд, совершенно бессистемно. Трущобы сменялись пафосными высотками, и наоборот.

В общем, Сан-Паулу – город контрастов.

Мы высадили девушку. Вилфрид поморщился, когда она, достав деньги, предложила частично оплатить поездку. Гусары денег не берут!

Девушка была искренне тронута и изумлена тем, что мы не взяли у нее денег. Возможно, российская девушка и не особенно удивилась бы подобному жесту со стороны мужчины – скорее даже наоборот, это было бы для нее ожидаемо. Немка же, по-моему, испытала небольшой культурный шок. По крайней мере изумление.

Такая ситуация явно была для нее неординарной, нетипичной. Вилфрид решил закрепить успех и взял у опешившей студентки номер телефона, чем заставил ее зардеться.

Очередным гусарским жестом он небрежно попросил меня помочь ей с чемоданом. Я с легкостью откликнулся на его предложение, но тут меня ожидал подвох: чемодан был тяжелым – килограммов тридцать пять, не меньше.

Но отступить было уже некуда.

Студентка оказалась обстоятельной и, наверное, взяла в путешествие все, что только могла. Проклиная «гусара», я потащил по подземному переходу ее огромный баул, думая: «Хочешь гусарить, Вилли, – сам и таскай».

Вернувшись в машину, я недобро посмотрел на улыбающегося Вилфрида, закрыл дверь, и мы поехали дальше.

Минут через десять таксист остановил машину и, мотнув головой, сказал: «Centro». Мы переспросили: «Центр?» Он еще раз утвердительно произнес: «Centro, centro», – и махнул рукой.

Мы вышли на улицу. Стоял небольшой туман, и мы пошли в буквальном смысле куда глаза глядят.

Ни плана города, ни цели у нас не было.

Два авантюриста в белых рубашках и дорогих итальянских костюмах. В криминальном центре Сан-Паулу.

В городе, где машинам в ночное время во избежание нападений разрешено не останавливаться на красный свет светофора.

Редкие прохожие имели потрепанный вид, дома были обшарпаны и исписаны граффити. Одиноким посетителям затрапезных забегаловок с интересом смотрели на нас.

Было раннее утро воскресенья. Город еще спал. На улице стелился легкий туман.

Вдруг я услышал непонятную, очень странную песню.

Вначале я вообще не понял, что это и откуда доносится звук, а потом сквозь дымку тумана увидел старуху, которая поразила меня своей инфернальностью.

Она была одна на этой широкой улице и пела какую-то песню в рваном ритме вуду.

Пела она для себя (а может быть, для меня).

Она сидела на картонке и периодически приподнималась на коленях. Вид у нее был очень гордый, я бы даже сказал, вызывающе гордый. Голова высоко поднята и обращена к небу.

Несмотря на преклонный возраст и полностью седые волосы, ее движения были пластичны. Более того, периодически она, подобно кобре, совершала непонятные выпады вперед и вбок – хаотичными зигзагами и в только ей понятном ритме.

Глаза у нее были стеклянные и смотрели в какое-то потустороннее пространство. Страшные глаза. Их не было, они были мертвы.

Она напоминала ведьму.

Заунывная песня этой сухой бразильянки произвела на меня сильное впечатление.

Я на несколько секунд остановился возле нее и выпал из реальности. Мной внезапно овладел непонятный страх и чувство какой-то обреченности и тоски.

Уходил от нее не спеша, оглядываясь, пока ее силуэт не растворился в утренней пелене.

«Это был нехороший знак, – подумал я. – Очень не-хороший знак».

Вилфрид уже ушел далеко вперед. Я поспешил за ним.

«Это был нехороший знак...» – крутилось у меня в голове.

Мы петляли наугад, стараясь держаться больших проспектов и улиц. По пути купили сувениры в виде бразильских женщин в национальных нарядах рабынь на плантациях. Статуетки были с выдающимися, даже гипертрофированными грудями и попами.

Зашли в кафе затрапезного вида, выпили бразильского кофе, который оказался дрянным. Съели по паре бананов – маленькие такие, тоже невкусные, кормовые. Видимо, не сезон.

Разочарованные, мы побыстрее расплатились и вышли из кафе.

Love story

Город еще был безлюден, и вдруг мы увидели, что в одном из переулков кипит бурная жизнь. Играет музыка, стоят девушки в мини-юбках и на высоченных каблуках (некоторые из них мне показались очень нестандартными), какие-то накачанные темнокожие ребята с цепями на шеях. Странная публика, как из кинофильмов.

Заинтригованные, мы направились туда. Вилли спросил у колоритного охранника: «Что здесь сейчас происходит? Это клуб?» Оказалось, что это был клуб Love Story. Как мне потом сказали мои адвокаты, этот клуб – самое (с упором на это слово) злачное место Сан-Паулу: сборище свингеров, транссексуалов, проституток, наркоманов и прочей сомнительной публики.

Они очень долго удивлялись и переспрашивали, точно ли мы были именно в Love Story. И как мы вообще его нашли.

Здесь была вечеринка.

Нам предложили войти за сто евро. Плата показалась мне чрезмерной. Я сказал: «Бесплатно зайдем, а так – нет», – и отошел от входа. Было уже утро, и я не видел смысла платить за вход такие деньги, хотя признаюсь – войти в него было дико интересно.

Вилфрид остался договариваться с колоритным охранником. Затем подошел ко мне и сказал, что договорился, и мы вошли в клуб.

Царство порока приняло нас в свои объятия.

Сквозь тесный темный проход мы просочились внутрь.

Чтобы пройти вглубь, нам понадобилось протиснуться (это было возбуждающе!) через скопление чрезвычайно откровенно одетых девушек, которые призывно улыбались. Вообще латиноамериканки очень улыбчивы, а здесь к улыбке добавлялась еще и порочность. Получалась гремучая смесь. Их взгляды были подобны взглядам Сальмы Хайек в фильме «От заката до рассвета», да и атмосфера была похожей.

Яркие ощущения были уже на входе. Очень странные...

На уровне подсознания.

В воздухе сразу можно было ощутить неповторимый аромат порока (кто знает, о чем я, тот поймет меня, кто нет – пусть радуется, что не знает, ибо «плата» соразмерна).

Энергетика у клуба была запредельная.

Темная, влекущая энергия...

Пугающая, но в то же время манящая...

Очень необычная. Ни до, ни после ни с чем подобным я не сталкивался.

И ни одно подобное заведение мне уже не интересно, потому что планка порока Love Story была космической.

Там не было никаких особых внешних спецэффектов или умопомрачительных танцев go-go, хотя девушки танцевали превосходно, делая особый упор на движения ягодицами – гордость бразильянок.

Там был особый драйв. Кураж. Исходящий от посетителей.

Все были настроены на одну волну – волну секса.

Нередко, кстати, посетительницы сами залезали на постамент для танцовщиц go-go.

Я долго думал, как описать эту манящую атмосферу порока...

Она была подобна спящему вулкану.

Мрак, темнота, вроде бы ничего не происходит, но точно видно и слышно, что какие-то процессы идут... В воздухе нависает напряжение... и вдруг – вспышка, взрыв и мгновенный поток раскаленной лавы.

Мы подошли к бару и сразу выпили кашасы. Выбор был правильный: надо было как можно скорее включиться в эту атмосферу – без кашасы никак. Нам необходим был этот «успокоительный укол», так как царящая в клубе энергия пугала, но в то же время уйти было невозможно. Мы уже глотнули этого тлетворного воздуха... Мы были уже им отравлены. Кашаса же отключила последний, еле слышимый голос разума.

Было где-то семь–восемь часов утра, но по присутствующим было видно, что расходиться никто не собирается.

Мы вызвали интерес у дам – особенно после того, как Вилфрид угостил их кашасой. Достаточно быстро и я, и Вилли оказались в разных компаниях раскомплексованных девушек. Они не были вульгарны. Они были позитивными и открытыми. Это качество свойственно латино-

американцам; русские в таком состоянии открытости бывают, как правило, только после принятия известной дозы спиртного.

Были ли они проститутками или искательницами приключений, учитывая специфику клуба и латиноамериканскую открытость, понять было сложно.

Нельзя было даже точно сказать, являются ли они вообще девушками. Бразильские транссексуалы, учитывая в целом достаточно мужественные в нашем восприятии черты лица латиноамериканок и обильный макияж, были практически неотличимы от девушек. А транссексуалов в клубе было много...

Интриги добавляло то, что в клубе было темно и мы хорошо видели лица окружающих только тогда, когда в нашу сторону на доли секунды направлялись лучи от светящегося шара.

Отчетливую картину давали только периодические вспышки, освещавшие на мгновение весь зал.

Тогда можно было видеть, что многие пары (иногда это были и трио) не теряют времени даром, а чем-то активно и страстно занимаются...

Я поднялся в туалет, который находился на втором этаже заведения, и долго не мог понять, где же мужское отделение, так как из двух туалетов выходили то мужчины, то женщины. Оказалось, что туалеты совместные. Я зашел, и там меня ждало новое открытие: дверей ни на входе, ни внутри не было. Поэтому можно было наблюдать как мужчин, так и женщин, отправляющих свои естественные потребности.

И как ни странно, если мужчин это обстоятельство немного и смущало, то женщины чувствовали себя комфортно. Причина этого, вероятно, в том, что мужчина всегда так или иначе озабочен размерами своего члена, а также боится показать его вялым и небоеспособным в глазах как женщин, так и мужчин.

Мужчина вообще всегда чего-то боится. И наверное, тот мужчина, который перестал бояться, становится для женщин чертовски привлекательным.

Спустившись вниз, я нашел Вилфрида в превосходном настроении, мы еще раз выпили с ним и с веселой компанией окружавших нас девушек за укрепление дружеских отношений. Вилли заплатил за алкоголь. По его лицу я понял, что счет оказался внушительным. «Ну ничего, – подумал я, – это тебе плата за чемодан брюнетки, который ты вручил мне. Теперь мы квиты».

Рядом со мной оказались две подружки: дородная брюнетка с эффектным бюстом четвертого размера и миниатюрная блондинка с еще более заметной грудью, которая была непропорциональна ее общей комплекции. Силиконовая, конечно.

Мы договорились с Вилфридом расстаться на время и условились встретиться у входа в клуб в пятнадцать минут одиннадцатого, чтобы поехать в аэропорт.

В камере хранения клуба я оставил свою сумку и пакет с сувенирами.

Когда в назначенное время я появился у клуба, то с удивлением обнаружил, что он закрыт. Причем наглухо: хорошими такими решетками, какими закрывают клетку с дикими животными. Оказывается, клуб работал до десяти.

Вилфрид вместе с такси уже ожидал меня.

На наш стук в решетки дверь приоткрыл уборщик, который сказал, что в клубе, кроме него, никого нет, а камера хранения закрыта.

Ну что ж, выбора не было, надо было ехать в аэропорт.

Сумку было жалко: стильная, итальянская, дизайнерская. Да и содержимое...

Однако в аэропорту меня ждали события, перед которыми потеря сумки уже показалась сущей мелочью...

Аэропорт. Задержание

Во время посадки, «пробивая» мои документы по базе, сотрудница аэропорта сделала недоуменное лицо и попросила меня задержаться. В ответ на мое удивление сложившейся ситуацией и жесты, указывающие, что самолет улетит, она была непреклонна – лишь пригласила своего старшего сослуживца посмотреть в компьютер и на мой паспорт. Они вместе еще раз полазили по базе, повертели мой паспорт и стали лишь еще непреклоннее и безэмоциональнее. Мужчина по-звонил по трубке, и я явственно услышал слово «полиция».

В воздухе повисло напряжение. Они смотрели на меня уже с некоторой опаской и без характерной для работников их сферы улыбки радушия. Через пару минут жестами безапелляционно попросили меня отойти от стойки и присесть рядом в зале ожидания.

Я уже понял, что ситуация серьезная, и сообщил об этом в Москву.

Минут через тридцать я увидел, как вместе с Вилфридом улетает мой самолет.

Он медленно тронулся, разогнался...

Наблюдать его взлет было неприятно и как-то тоскливо.

Через какое-то время ко мне подсел полицейский – молодой маленький паренек лет двадцати.

Это уже не вызвало у меня каких-то особых эмоций.

Так мы и сидели достаточно долго, тупо смотря то друг на друга, то по сторонам.

Затем подошли двое накачанных мужчин-полицейских гренадерского вида – уже в иной, не как у паренька, форме.

Один из них без особых церемоний взял мою руку и быстрым профессиональным движением защелкнул на ней один из наручников, а второй прикрепил к своей руке. Они резко, властными движениями и жестами показали, что надо идти.

Меня куда-то повели.

По их виду сразу стало понятно: это серьезно.

Пассажиры, ожидавшие рейса, смотрели на всё это с нескрываемым интересом. На их лицах я прочитал целый калейдоскоп эмоций – от сочувствия до отвращения; ужас, страх, удивление...

Я и сам испытывал сложные чувства.

Единственное, что подсказывал мне мой внутренний голос: сейчас начнется самое интересное...

«Гренадеры» долго вели меня по служебным лестницам, пока мы не оказались в «брюшной полости» аэропорта, скрытой от посторонних глаз.

Мы проходили мимо крутящихся по ленте чемоданов, комнат отдыха для персонала, многочисленных других помещений, пока не дошли до отдела полиции. Там меня сразу обыскали и забрали все личные вещи – без описи, понятых, документов... Просто свалили все на стол в небольшую кучу.

Затем открыли камеру, завели меня туда и освободили от наручников. На этом их миссия была закончена.

Я остался один.

На удивление я был совершенно спокоен. Ни паники, ни отчаяния... Видимо, включилась моя защитная функция – в стрессовых ситуациях я становлюсь удивительно спокоен.

Через пару часов все те же полицейские открыли дверь моей камеры, пристегнули меня наручниками к себе и куда-то повели. Меня ждали в кабинете следователя. Там было много суровых мужчин, а за столом сидел коротко стриженный седовласый мужчина лет сорока пяти в хороших очках. Меня посадили на стул перед ним, остальные полицейские рассредоточились по бокам и позади меня.

Начался допрос.

Их интересовал мой паспорт и цель визита в Бразилию. Мы общались на ломаном английском, все вопросы носили явно обвинительный характер; если мой ответ их не устраивал, вопросы повторялись вновь и вновь, вновь и вновь...

Я был уверен, что они записывают не то, что я говорю, а то, что им нужно. Женщина-секретарь, которая вела стенограмму, постоянно переспрашивала у следователя интерпретацию того, что я сказал, и он долго пересказывал ей на португальском мои слова. Все это выглядело даже немного комично. Мой односложный ответ на тот или иной вопрос вдруг превращался в развернутое повествование, и секретарша под руководством следователя долго и усердно что-то набивала.

Затем мне дали протокол допроса на португальском и попросили расписаться, я отказался. Мне стали объяснять, что там именно то, что я им сказал. Я не верил. Затем настойчиво потребовали... Я отказывался. Возникла пауза. Мужчины были настроены явно недружелюбно.

Попросил воды, мне отказали и вновь дали бумагу: «Читай и подписывай».

Стал опять читать, вернее делать вид, так как ничего не понимал в этих бумагах, написанных на португальском. «Читал» лишь для того, чтобы выиграть время. А сам судорожно думал: «Что же делать?»

Решил вновь попросить воды. На этот раз следователь махнул головой секретарше, она вышла и вернулась со стаканом воды. Когда она подходила ко мне, я дотронулся до нее рукой (не знаю, зачем это сделал, – это было спонтанное движение); охранники моментально среагировали, заломив мне руки. В комнате поднялся жуткий гвалт. Я стал валиться со стула, делая вид, что теряю сознание. Охранники приподняли меня и вновь водрузили на стул, я вновь стал падать, они опять подхватили меня и стали удерживать на стуле. Кто-то вылил мне на голову стакан воды. Я не реагировал.

Следователь что-то сказал, и меня потащили в камеру.

Охранники были очень грубы. Все углы и двери были мои: они демонстративно, с размахом и со знанием дела впечатывали меня в каждую стенку при повороте и в каждый дверной проем. Делали это без напряжения, легко, даже играючи. Сопровождая свои действия какими-то ругательствами.

Учитывая их размеры – а меня вели крепко сбитые мужики, про которых говорят «косая сажень в плечах», – это было болезненно.

В камеру они меня буквально втолкнули. Стоило больших усилий остаться на ногах.

Возбужденный, я сел на кровать и попытался успокоиться.

Камера была просторная, метров двадцать. Я прилег и постарался отключить эмоции. Прессинг со стороны полицейских был неприятен. Но меня все еще не покидала мысль о непродолжительности этого злключения-заклучения.

В камере был тусклый свет. Горело лишь дежурное освещение за пределами решетчатой двери. Я закрыл глаза.

Вдруг неожиданно раздался треск, людские возгласы и визг. Я увидел, как полицейские ввели мужчину и женщину; все это сопровождалось эмоциональной перебранкой. Мужчина что-то яростно доказывал полицейским, те реагировали на это в схожей тональности. Полицейские начали обыскивать их чемоданы. Мужчина все время комментировал их действия и экспрессивно воздевал руки, взывая к Всевышнему. Женщина то и дело вспыхивала и гневно что-то тараторила. Обыск закончился. По жестам полицейских я понял, что они предложили мужчине забрать необходимые ему в камере вещи.

Заклучение в тюрьму – видимо, как и смерть – всегда является полной неожиданностью для людей.

Вот так вроде бы и знают, что человек смертен и сия чаша неминуемо ждёт всех, но всё же думают, что это будет нескоро, не сейчас, да и...

Ведь даже если болеет старая бабушка и все знают, что она должна вот-вот преставиться, – и в такой ситуации люди всегда полны удивления, что это произошло именно сегодня и именно сейчас.

Так и совершающие преступления делают круглые глаза, когда им указывают на камеру. Они шокированы, когда закрывается дверь камеры и щелкает замок.

Хотя знали, знали...

Мужчина, когда осознал свое положение, сразу притих, лицо его осунулось, и сам он как-то даже уменьшился в размерах.

Вдруг совершенно неожиданно женщина, сопровождавшая его, – вероятно, его жена – рухнула без сознания. Ее падение было резким, она упала прямой спиной назад. Но в то же время, несмотря на всю стремительность ситуации, ее падение происходило для меня будто в замедленной съемке.

Это произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Мужчина резко подскочил к ней и начал кричать: «Доктора, доктора!» Полицейские, на секунду опешившие, тоже сразу засуетились: один из них побежал за врачом, второй вызывал его по рации, третий нагнулся к женщине и стал сильно бить ее по щекам – буквально избивать. С размаху нанося смачные пощечины. Мужчина ударил полицейского по рукам, оттолкнул его, сопровождая свои действия проклятиями в его сторону. Говоривший по рации полицейский вытащил дубинку и стал ею бить мужчину по голове, а его поднявшийся с пола товарищ принялся избивать несчастного еще более яростно.

Женщина продолжала лежать неподвижно.

Нервное напряжение от всего происходящего передалось и мне. Адреналин зашкаливал. Я смотрел как завороченный.

Избиение было мощным, но непродолжительным. После четырех-пяти профессиональных ударов, сломав всякое сопротивление, полицейские его прекратили. Защелкнули за спиной мужчины наручники. Открыли дверь моей камеры и втолкнули его внутрь. Он упал, но моментально встал, подскочил к решетке и стал кричать и бить по ней ногой. Полицейский тоже подошел к решетке и что есть силы ударил по ней дубинкой. Это произвело отрезвляющий эффект.

Тем временем пришел доктор, достал нашатырь. Женщина зашевелилась и подала признаки жизни.

Все как-то сразу успокоились.

Она медленно, при помощи полицейских поднялась и постепенно пришла в себя.

Начала отбирать какие-то вещи для мужа.

Заплакала. Ее слезы резанули его, как лезвие. Он еще больше осунулся.

Забрав свой чемодан, она, заплаканная, подошла к камере и поцеловала его на прощание.

Полицейские взяли ее за руки и начали выводить наружу. Женщину, которая еще секунду назад была совершенно спокойной, вдруг охватила истерика. Двое полицейских силой тащили ее. Мужчина, как сумасшедший, стал яростно долбить решетку ногами и кричать. Он не унижался и все бил и бил ногами по двери решетки. Я думал, он ее сломает.

Полицейские наконец вывели женщину и бегом направились к камере.

Я сразу запрыгнул на кровать и спиной буквально впечатался в стену.

Они со скрежетом открыли дверь и бросились к отошедшему в глубь камеры мужчине. Я не видел, что там происходило, так как угол моего обзора не позволял мне это, но характерные возгласы и хлопки ударов давали полное представление о происходящем. Мне стало страшно.

Экзекуция прекратилась, и полицейские деловито, с чувством выполненного долга вышли из камеры.

Я отпрянул от стены, посмотрел в его сторону – он остался лежать на полу, не двигаясь. Я смотрел на него. Надо, наверное, было встать и помочь, но я почему-то не мог это сделать. Я был в шоке от происходящего, оторопел, тело и мысли мои застыли.

Наступила неожиданная тишина. Я впал в прострацию. Время как будто остановилось, в голове не было никаких мыслей. Только в висках бешено стучало.

Вдруг неожиданно я вышел из этого состояния, мои тело и ум вернулись обратно в камеру. Прошло несколько секунд, и я понял, что уже могу к нему подойти.

В то самое мгновение, когда я только сделал движение корпусом в сторону лежавшего мужчины, он неожиданно зашевелился. Я замер. Он приподнял спину, потрогал руками голову, другие части тела, встряхнулся, встал и молча лег на соседнюю кровать. Я тоже прилег.

Так мы и лежали.

Принесли еду, поставили на пол.

Но есть не хотелось. Аппетита не было.

Мы так и продолжили лежать, пока сон не сморил нас.

Вероятно, наступила ночь.

День второй

В полицейском участке вновь возродилась жизнь.

Наверное, наступило утро.

Мы проснулись, но продолжали молча лежать.

Принесли завтрак.

Мы поднялись и наконец-то познакомились.

Это был Даниэл, накачанный румын, спешно покинувший Испанию с женой и новыми документами.

На протяжении почти всего моего тюремного заключения наши судьбы будут тесно переплетены.

Есть по-прежнему не хотелось.

Я выпил воды из-под крана и лег.

Так мы и пролежали весь день.

Нудный, долгий, вязкий день плавно перекатился в ночь.

День третий

Утром нам вновь поставили на пол еды.

Теперь мы уже поели. Адаптировались.

И вновь улеглись, как медведи, находящиеся в зимней спячке.

Вдруг неожиданно заскрежетала входная дверь.

Впрыск адреналина мощной струей сразу вошел в мою кровь, сделав меня бодрым и энергичным. На нас надели наручники, защелкнув их за спиной, и повели по длинным коридорам аэропорта. Мы вышли на улицу и впервые за два дня увидели солнечный свет, который сразу же ослепил нас.

Нас посадили на заднее сиденье машины, теперь приковав еще и друг к другу. Полицейские сели по бокам у дверей.

И джип стартовал. Водитель, включив сирену и весело смеясь, гнал со скоростью километров сто, нарушая все возможные правила. Так неистово радоваться жизни могут только бразильцы.

Вы скажете: «Что такого? Всего сто километров в час?» Да, но это было среди оживленного движения, где водитель чувствовал себя как гонщик «Формулы-1», смело идущий на обгон. Все шарахались в стороны, отодвигались, тормозили...

Одна из машин просто выехала в кювет, чтобы не столкнуться с нами. Причем мы неслись, не сбавляя хода, не обращая внимания на светофоры и встречную полосу. От пяти-семи столкновений нас отделяли какие-то секунды и сантиметры. Полицейские же время от времени грозно орали водителям других машин, смеялись и улюлюкали.

Такой драйв жизни особенно сильно контрастировал с двумя днями безделья, проведенными в темном «обезьяннике» аэропорта, откуда нас вытащили, как кротов.

От такой гонки, поворотов влево-вправо наши наручники резко врезались нам в руки.

Мы ехали так минут пятнадцать–двадцать. Вдруг машина остановилась, и мы около часа просто сидели в машине, разглядывая прохожих, и ждали, когда нас пригласят в здание.

Светило солнце, но оно почему-то не радовало, а, наоборот, навевало сильную печаль. В груди защемило от тоски.

Мы смотрели на прохожих.

Они шли по своим незначительным делам.

Они могли вот так спокойно идти по улице.

Без наручников.

На этом контрасте мы впервые отчетливо осознали, что потеряли что-то очень важное.

Лицо Даниэла также выражало щемящую печаль.

Мне кажется, мы думали об одном и том же. Нет, я даже в этом уверен.

В здании нас проверил врач, в очередной раз взяли отпечатки пальцев.

Потом посадили уже в другую машину и повезли.

Куда мы едем и зачем, я не понимал.

Глава 3

«Парадането» – желтый дом

Нежелание платить по своим счетам

Нас привезли в тюрьму. Как оказалось, это была тюрьма «Парадането». Здание теплого желтого цвета. Название тюрьмы я запомнил легко – «парада нету».

Вновь у нас с Даном взяли отпечатки и отвели в отдельную камеру, где было очень холодно.

Неизвестность сильно тяготила меня, Дан же напоминал напуганного абитуриента перед сдачей экзамена.

От холода и нервного напряжения он начал приседать, я последовал его примеру.

Прошло где-то около часа.

Мы не понимали, сколько пробудем здесь.

Обратившись к охраннику на смеси румынского и испанского, Даниэл узнал у него, что нас скоро поведут в камеру к бразильцам.

Он мрачно сказал мне, что надо будет драться.

Рассказал про свой план: он будет бить первым главного в нос, затем второго, а я... в общем, по обстоятельствам. Дал мне пару железных колец на руки – для усиления удара.

Скажу честно, перспектива драки не радовала: логически и математически финал драки двух гринго против десятка бразильцев был для меня очевиден.

Это же не кино, где супергерой раскидывает десятки противников. Как говорил мне один профессиональный боксер, реальность сурова и против троих-четверых биться уже сложно, так как есть большая вероятность пропустить удар, а дальше... тебя просто затопчут.

Я перестал чувствовать холод.

Мне уже стало уютно в этой непонятной холодной камере, где практически все надписи на стенах были обращены к Богу: «DEUS, DEUS, DEUS...»

Все сразу вспоминали о Нем... Наверное, даже те, кто раньше и в церкви-то никогда не был.

Что-то неприятное было в этих обращениях. Нечестное. Корысть, наверное.

Нежелание платить по своим счетам.

Что ОН должен заплатить? ОН заплатил.

Даниэл хоть остался мужчиной и был честен с самим собой.

Остался собой.

Он верил в силу и усиленно разминался перед битвой, а я обратился к...

В силу я не верил.

Через пару минут охранник сказал Дану, что скоро нас поведут, и дал ему сигарету.

Дан покурил и передал мне. Мы напоминали двух фронтовиков в окопах перед атакой.

Вообще-то я не курю, но здесь стал курить даже с каким-то неистовством и отчаянием. От первой затяжки закашлялся, а затем почувствовал приятное состояние невесомости и одухотворенности.

Вдруг неожиданно открылась дверь, и нам сказали: «На выход». Мы заложили руки за спину и вышли.

Я уже практически не чувствовал себя.

До сих пор помню это состояние.

Камера.Путин. Pizdetz

Мы шли по длинным коридорам, периодически останавливаясь у закрытых дверей, которые конвоиры со скрежетом открывали.

Затем встали посреди большого длинного коридора и чего-то ждали. Минуты ожидания, как ни странно, были не тягостными, а сладостными.

Слышны были отчаянные крики и хлопки, отчетливо напоминавшие удары. Меня это напугало.

Идти в камеру к злобным бразильцам не очень-то хотелось.

Оказалось, мы ожидали директора тюрьмы. Хозяина.

Наконец вышел статный, представительный мужчина с кудрявыми черными волосами. Его облик напомнил мне образ плантатора из ранних бразильских сериалов. Он не был агрессивен – скорее, наоборот, немного ленив. В его манерах читалась значимость, как у льва. Создавалось впечатление, что он только что пришел с обеда. Его взгляд, несмотря на вальяжную небрежность, был пронзительным и немного тяжелым. Отношение персонала к нему было очень подобострастным.

Он оглядел нас, быстро поговорил с подчиненными о Дане, перебросился с ним парой слов. Я в это время находился в «невесомом» состоянии. Дан же, напротив, был весьма бодр и улыбался начальнику тюрьмы.

Решив вопрос с Даном, он обратился к своим людям по поводу меня – ему что-то сказали, дали какую-то, по-видимому, вводную информацию; он попросил бумаги и быстро пробежал их глазами. Затем о чем-то спросил у меня, я выдал уже привычную фразу «но португез», означавшую, что я не говорю на португальском языке. Его это немного смутило, возникла длительная пауза, продолжавшаяся более минуты. На расслабленном лице начальника тюрьмы впервые стало читаться какое-то напряжение мысли (оказалось, он просто вспоминал свои ассоциации с Россией), и вдруг неожиданно он, улыбаясь, вопросительно произнес: «Путин?»

Я на автомате, не задумываясь, тоже с улыбкой ответил ему: «Пеле».

Это разрядило обстановку. Он весело рассмеялся. Мы с Даном улыбались ему в ответ.

Посчитав познания о России исчерпанными, а свою миссию выполненной, директор что-то быстро сказал персоналу и удалился.

Упоминание Путина и вообще само слово «Путин» показалось мне каким-то добрым, ободряющим знаком.

На иррациональном уровне я ощутил себя в безопасности. Почувствовал, что я как бы не одинок, что есть «Путин» и его знают (вот начальник тюрьмы его знает). А я как-то связан с ним – «Путиным», и это придало мне какой-то уверенности. Бред, конечно, но тогда...

Само поведение начальника тюрьмы оказало успокаивающее воздействие, а виртуальная фигура Путина вселила в меня какое-то ощущение защиты, что ли.

Вероятно, такую же функцию выполняло имя Сталина, когда бойцы шли в атаку и кричали: «За Сталина!» А до Сталина было за...

Сработали глубинные паттерны подсознания, включающиеся в пограничной, экстремальной ситуации.

Нам быстро сказали повернуться направо, и мы пошли. Пройдя пару дверей (в тюрьмах их вообще бесчисленное количество), мы вошли непосредственно в блок, где находились заключенные. Он напоминал двухэтажный Колизей. Двор тюрьмы сразу оглушил гвалтом португальской разногласицы.

Вообще португальский язык немного грубоватый, голос у бразильцев низкий, тембр брутальный. В связи с этим кажется, что они агрессивны и всегда немного на взводе. Между тем это просто особенность языка и его восприятия ухом русского человека.

Тогда я этого еще не знал, и на меня эти звуки произвели настораживающее впечатление.

К тому же бразильцы в это время играли во дворе тюрьмы в футбол и свои эмоции выражали очень бурно. Бразильцам в принципе свойственно бурно выражать свой эмоциональ-

ный мир (латиноамериканцы – что там говорить), а уж во время футбола, да еще и заключенным, которым больше и пар-то выпустить негде, кроме как во время часовой игры пару раз в неделю...

В общем, крики, вопли...

Несмотря на игру, открытие ворот привлекло внимание как зрителей, так и футболистов, каждый из которых окинул нас, вновь прибывших, заинтересованным взглядом. Нас подвели к ближайшей камере слева, которая в отличие от других была закрыта. Открыли дверь, и мы, что называется, «на вдохе» зашли.

Первым зашел Дан и как-то моментально вступил в диалог с находившимися там людьми. Я наблюдал. Разговор, по моим ощущениям, был конструктивным, я бы даже сказал, дружеским.

Никаких бандитских рож в камере не наблюдалось. Ко мне подошли и спросили, откуда я. Привычно сказал, что «русо, но португез», за меня им что-то ответил Дан. Из-за языкового барьера ко мне быстро утратили интерес, только по-приятельски ободряюще похлопали по плечу.

Все, что накрутил себе Дан, было всего лишь роем пу-гающих мыслей, следствие его восприятия жизни в целом. Жизнь оказалась добрее – может быть, только в данной ситуации и именно к нам. Счастливчикам.

Все кровати были заняты, а присесть, несмотря на доброжелательное отношение, я не решился, да и не хотелось: выброс адреналина при заходе в камеру был сильный и я все еще находился в приподнятом состоянии, эйфории.

Стал изучать надписи на стенах.

Настенные граффити в камере были хорошо развиты, в основном это была краткая информация о том, кто здесь был и откуда.

Мое внимание привлекла самая большая надпись: огромными буквами на железной доске было выгравировано слово PIZDETZ и маленькими – Zan Volkov. Слово, хотя и написанное латиницей, было знакомым – нашим, родным, но имя меня немного смутило. Я показал на надпись, и бразильцы сразу поняли мой интерес. Да, сказали они, здесь действительно был русский, он вез наркотики, его перевели в другую тюрьму (с Жаном мы потом еще встретимся).

Само слово PIZDETZ, емко и удивительно точно выражало то, что чувствовал написавший его человек. Я прочитал его еще раз – PIZDETZ. Оно было мне неприятно, потому что отражало и мое текущее состояние.

Мои друзья

Наша камера была обшарпана и напоминала провинциальный привокзальный общественный туалет.

Очень небольшая – где-то около 8–9 метров. Продолговатая. Одна трехъярусная кровать и настил в виде антресоли над дверью (там тоже спят), раковина и туалет, отгороженный от остальной камеры простыней, которая висит на веревке.

Моя кровать – это кусок грязного рваного поролона. Мы с Даном спим «валетом» около двери. Местные обитатели дали нам одно скудное одеяло на двоих. Сами укрываются тремя хорошими. Холодно. На следующий день сжалились над нами и дали еще одно. Теперь у каждого из нас есть по одеяльцу! Под ним все равно очень холодно, ветер продувает камеру насквозь, но все же.

Раковина, над ней надпись: «Don't worry, be happy».

На двери написано на португальском: «Все мы в руках Господа Бога».

Это здесь понимаешь особенно отчетливо.

Нас тут семь человек. Представлю своих товарищей по несчастью.

Жуан Карлос, 21 год, – бразилец европейской внешности, симпатичный молодой парень с длинными волосами, напоминающий начинающего рок-музыканта. Он вез восемь или девять килограммов «волшебных таблеток».

Аугусто – коренастый, немного полноватый благообразный молодой человек, также европейской внешности. Он похож на упитанного студента. Тоже наркота. Они с Жуаном Карлосом держатся вместе.

Третий бразилец, Карлос, кучерявый, похож на цыгана, лет сорока, сидит за агрессивное поведение в отношении полицейского. Вот уже 90 дней. Любит Достоевского, при мне читал «Братьев Карамазовых». Глубоко, я бы даже сказал, неистово верующий в Бога человек.

У него всегда в руках или Библия, или Достоевский.

Именно он впоследствии дал мне тетрадь и карандаш. По вечерам он читает вслух Библию, как пастырь, вкладывая в это столько энергии и темперамента, что даже меня пробирает, хотя я не понимаю ни слова. Видел, как у слушающих его слезы наворачивались.

Это происходит следующим образом: все собираются вокруг Карлоса, и он зачитывает какую-

нибудь нравоучительную проповедь из Библии, черные глаза его навывкате – в это время он очень похож на темнокожего актера Сэмюэла Л. Джексона в фильме Тарантино «Криминальное чтиво».

Экзальтация запредельная.

Затем все молятся.

Такой вот катарсис.

Каждый вечер.

Мой товарищ и, можно сказать, друг – Дан Петреску. Румын итальянского происхождения, он ехал из Испании, где прожил десять лет. О своей профессиональной деятельности Дан не распространялся. В силу обстоятельств руководство оказало ему содействие в получении второго гражданства и рекомендовало с семьей покинуть страну. Формальное основание задержания – «поддельный паспорт» – вызывало у него бурю негодования. Он бил себя по плечам, показывая, какие эполеты были у генерала, лично вручавшего ему паспорт в Асунсьоне. Он недоумевал, почему вопросов не возникало на контроле при вылете из Асунсьона, в аэропорту Парижа, при перелете в Мадрид...

Дан имеет многочисленные шрамы от ножевых и иных ранений – как побочный эффект рабочего процесса. Он ими гордился и постоянно их показывал. Дан направлялся через Бразилию со своей женой в Парагвай. Биография у него была бурная. Вероятно, поэтому он очень не хотел, чтобы о его личности делали запрос в Испанию.

Они с Карлосом – неформальные лидеры нашей камеры, заводили, два наиболее темпераментных человека.

Александр, колумбиец, вез «ун кило кокаино». Ему тридцать четыре года. У него добрые и умные карие глаза.

Он любит шахматы, иногда мы с ним играем (фигур у нас, правда, не хватает).

Также в нашей камере сидит Галакси – молодой африканец из Сенегала, лет двадцати пяти, ортодоксальный мусульманин, держится особняком. Он производит впечатление человека мягкого и глубоко верующего.

В установленное время он всегда слезает с верхней полки, для того чтобы помолиться Аллаху.

Нигде я не встречал такой религиозности, как в бразильской тюрьме.

Несколько слов о толерантности

Это слово сейчас становится немодным, и его даже иногда стали произносить с каким-то пренебрежительно-ругательным оттенком – на мой взгляд, зря.

Толерантность – это взаимное уважение и терпимость друг к другу.

Хотелось бы написать о том, как в таком маленьком пространстве люди старались быть предельно тактичными и толерантными!

На восьми метрах ужились люди, говорящие на четырех языках (испанском, французском, португальском и русском), разных рас и религиозных убеждений.

Католики, мусульманин и православный пребывали в абсолютной веротерпимости и уважении к религии и обрядам друг друга. Все старались создать в этой «коммунальной» комнате максимальный комфорт (если это слово вообще применимо к тюрьме) для молитвы и совместного проживания.

Даже предугадывали желания товарищей, маневрировали в ограниченном пространстве предельно деликатно, чтобы не задеть друг друга – возможно, в этом залог выживания.

Не зная даже языка сокамерника, мы понимали друг друга без слов.

Слова часто бывают лишними.

С их помощью мы скрываем, изменяем, ретушируем, вуалируем истинное положение вещей или просто банально врем.

Вообще-то это не так сложно – понимать друг друга без слов, если есть желание понять.

Потерянная улыбка

Вот наступил (делаю затяжку – да, здесь я стал курить, точнее не курить, а покуривать – снимать стресс) очередной день моего заключения в «Парадането».

Я в тюрьме.

Постепенно происходит осознание: где ты...

Психика человека все-таки инертна – осознание приходит не сразу.

В камере очень холодно. Бразильские тюрьмы устроены по летнему варианту. В принципе это разумно, так как в Бразилии в основном лето. Холодно лишь пару месяцев в году.

Моя беда в том, что я попал в тюрьму именно в зимнее время. Из одежды на мне оставили только трусы, выдав простую белую футболку, хлопчатобумажные штаны желтого цвета и вьетнамки. Больше у меня ничего не было.

Одно окно (оно завешано трусами и прочими тряпками) и дверь, выходящая в тюремный двор. Наша камера насквозь проветривается.

Со двора доносятся крики: бразильские заключенные заняты тем, что они умеют лучше всего, – играют в футбол.

Из окошка видно свинцовое небо и веет сырым, промозглым ветром.

Смотрю на африканца Галакси – он тихо сидит на полу, обняв голову руками. Он очень молчаливый.

Я лежу на кровати, делаю заметки в тетрадь напротив меня валетом лежит колумбиец Александр.

Накрылся одеялом и... плачет.

Он протяжно стонет и, всхлипывая, бормочет молитвы.

Все это вкупе с дождливой погодой и неизвестностью наводит тоску и на меня.

Я не выдерживаю, приподнимаюсь и просто похлопываю Александра по плечу, потому что у меня самого от всего этого начинают наворачиваться слезы.

Александр вообще производит впечатление исключительно положительного человека.

Он никогда не пил, не курил и не употреблял наркотики.

У него жена и двое маленьких детей, о которых он постоянно искренне вспоминал на протяжении всего того времени, что я его знал.

Такой вот набожный и благочестивый человек – просто вез «ун кило кокаино». Для того чтобы поправить материальное положение семьи.

Для многих в Колумбии выращивание или перевозка кокаина – это единственный способ хоть как-то выбраться из нищеты.

Он встает с заплаканными глазами и спрашивает: «Что ты пишешь, о чем?» Говорю: «Обо всем». Он с некоторой агрессией и отчаянием просит: «Напиши обо мне, о моей БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ к моей жене, детям, моей СЕМЬЕ».

Потом я понял истоки его агрессии.

Он был недоволен собой. Тем, что оказался здесь.

Мы часто бываем агрессивны к людям, а еще чаще к себе, потому что недовольны собой. Или потому, что не принимаем себя... Или не принимают нас.

Вообще здесь редко так плачут.

В основном...

Вот вчера всегда позитивный, улыбчивый Жуан Карлос пришел от адвоката молчаливый и подавленный, непохожий на себя, с лицом человека, узнавшего, что умер кто-то из его близких.

Он просто молча сел у двери спиной к нам и сам себе состриг свои длинные волосы, которые, я знаю, много для него значили, были предметом его гордости. Они большими локонами падали на постеленную им газету.

Он стриг их зло, с агрессией.

Так и сидел в прострации, опустив голову и... время от времени всхлипывал носом. Он плакал.

Он сидел так долго.

Его никто не трогал.

Ему никто ничего не говорил.

И никто у него ничего не спрашивал.

Он изменился за эти несколько часов. Я не узнал его лицо, когда он обернулся.

...пропала его обаятельная улыбка.

Того беззаботного Жуана Карлоса не стало.

Он больше так не улыбался.

Вместе с волосами он «состриг» и улыбку со своего лица.

Такие сцены впечатляют больше, чем слезы.

Александр пошел плакать к окну – там висит ширма, скрывающая человека, справляющего свои естественные потребности. Он скрылся за ней.

У него начинается истерика, он плачет уже почти навзрыд. К нему идет Жуан Карлос. Он успокаивает его как может.

Наверное, это по силам только ему.

Только человек, сам переживший что-то подобное, может понять... и успокоить.

Александр успокаивается.

Мы все продолжаем лежать молча.

Каждый понимает, что настанет день, когда он сам так же вернется от адвоката и сострижет свои волосы, как Жуан Карлос, или просто сорвется, как Александр...

Пастор

День сегодня какой-то депрессивный.

Вероятно, погода.

Не переставая моросит дождь, висит туман.

В дверь что-то проорали.

Наступил обед, принесли какую-то непонятную бурду типа супа. Такая жижа с макаронами. Положил себе пару ложек – ничего, съедобно. Хочется чего-нибудь горячего в этой промозглой камере.

После обеда всех немного разморило. Да и погода сонная.

Галакси с невозмутимым видом расстелил свои газеты, выполняющие роль коврика для молитвы. Молитва. Пять раз в день.

Вот так и живем.

Лежу в дреме, идет сильный дождь, гроза.

Дождь кончился.

Решил посмотреть в дверной проем на играющих в футбол бразильцев.

Через какое-то время рядом со мной встали Даниэл и Карлос.

Вдруг неожиданно появился пастор – сухой и мощный старик в белой рубашке и галстук.

Он подошел к нам и просунул через дверное окошко руку, я вместе со всеми тоже пожал ее.

Затем он через дверь начал проповедь.

Все, кроме сенегальца Галакси, столпились у окошка. Я чуть сзади.

Карлос встал на колени. Пастор закрыл глаза и с жаром начал что-то говорить. Я увидел, как даже у атлетичного Даниэла – с его-то биографией – побежали мурашки.

«Аминь, аминь». Пастор еще раз протянул нам руку, и мы поочередно ее пожали.

Вера – это важно.

Холодный душ

Решил помыться.

Сегодня, следуя героическому (учитывая холод) при-меру Даниэла и подбадриваемый им (он вышел после душа бодрый и энергичный – еще бы), я впервые за неделю помылся.

Это происходило следующим образом. Вначале я постирал свои трусы – это единственная моя вещь, которая у меня осталась.

Трусы и послужили моим полотенцем, так как находиться без футболки или штанов было бы холоднее, чем без трусов.

Включил чуть-чуть холодную воду и начал привыкать к ней, стоя на ледяном полу, скрючив ступни. Затем под возгласы Даниэла, означающие приблизительно: «Давай, давай, будь мужчиной!» – начал все больше и больше обливать себя холодной водой и судорожно мылиться.

После этой процедуры я быстро-быстро обтер себя своими предварительно хорошенько отжатыми сырыми трусами и сразу надел футболку, штаны и вьетнамки.

Ну, в общем, помылся.

Взбодрился.

В тюрьме начинаешь ценить блага цивилизации, которые в обычной жизни воспринимаешь как должное, например полотенце. О горячей воде я уж и не говорю.

Вечером нас ждала очередная проповедь Карлоса и традиционная молитва. После нее все тихо и смиренно разлеглись – кто на кроватях, а кто на полу – спать.

Прошел еще один день.

Он был неплох.

Я не знал, что ждет меня дальше.

Состояние дыма

Эти несколько страничек могут показаться немного трудными для восприятия, но я ими доволен, потому что мне удалось передать очень сложную гамму ощущений.

Возможно, это стоит перечитать несколько раз в полной тишине.

Вначале казалось, что все, что происходит со мной, это несерьезно.

Потом – что это происходит не со мной.

Это же невероятно: ты – и в бразильской тюрьме с наркодилерами, африканцами и мулатами.

У меня сохранялось стойкое ощущение нереальности происходящего – вероятно, это было защитной реакцией психики.

Наша психика не может так быстро перестраиваться, действует инерция.

Процессы запущены, но ты еще не стал другим.

Ты видишь все, как в кино, вся разница только в том, что ты не зритель, а актер. И вдруг оказался на сцене.

И вот от осознания этой новой реальности тебе становится не по себе.

Но самое страшное начинается потом, когда в твоем мозгу проскальзывает мысль, что это все надолго, – осознание этого и ощущение абсолютной неизвестности будущего в сочетании с бесконечной звучной иноязычной речью может ввести тебя в панику, в животную панику.

Если ты пережил эти страшные минуты, то дальше тебе может быть плохо, тяжело и даже очень тяжело, но ты избежал главного – животной паники, которая заставляет биться об стену, бить дверь и так далее. Я был свидетелем подобных сцен – они иррациональны и губительны для человека, впавшего в это состояние. После вспышек гнева и ярости человек часто впадал в апатию и уже долго пребывал в этом состоянии.

Меня спасали физические упражнения, этот дневник и – в экстренные минуты – паратройка затяжек крепким табаком, для того чтобы забыться на несколько мгновений (но это очень важно, и эти мгновения бесценны), и ощутить состояние одухотворенности, но не в классическом понимании этого слова, а некое состояние дыма – состояние бестелесности и вечности. Первое дает ощущение неуязвимости, а второе – возможность посмотреть на ситуацию и на самого себя со стороны.

Не знаю, поняли ли вы, о чем я говорю. Можно ли это понять, не пережив? Не знаю... Но описание мне удалось подобрать достаточно точное. Состояние дыма.

Надо отметить, что в эти моменты мысль обретает предельную ясность.

Новость

К вечеру в камере повеяло холодом. Погода была дождливая и ненастная.

Во время ежевечерней молитвы к нам постучали и сообщили, что нас троих – меня, Даниэла и Александра – направляют в «Итаи» – специализированную тюрьму для иностранцев.

Эту новость я встретил с тревогой: наша маленькая, продолговатая, в виде пенала камера уже стала почти родной, так же, как и ее обитатели.

Опять срываться с места, ехать куда-то – что ждет там?

Перед сном мы традиционно, в тот раз особенно проникновенно, помолились. Это была самая тихая проповедь Карлоса.

В конце молитвы мы, по инициативе Жуана Карлоса, образовали круг, взяли за руки – в последний раз, чтобы уже больше никогда не увидеться.

Это было трогательно.

Этап

Рано утром, еще затемно, нас подняли. Мы быстро оделись, и нас куда-то повели.

Привели в холодную большую комнату, где было чело-век двадцать; через какое-то время камера уже кишела заключенными.

Было холодно и промозгло.

Сидеть там было не на чем.

Так нас и продержали несколько часов.

За это время покормили тюремным завтраком: кофе и булка. Кофе выпил, а булку, по примеру Даниэла, положил в карман. Неизвестно, когда будут кормить в следующий раз.

Стоял традиционный бразильский гвалт. От холода и нетерпения люди пребывали в хаотичном движении. Я последовал примеру Даниэла и тоже периодически приседал, чтобы согреться.

Ожидание было томительным.

К нашей радости, нас наконец-то стали группами выпускать из камеры.

Вывели на улицу.

Там уже стояло много полицейских. Некоторые из них были с какими-то, как мне показалось, карикатурными карабинами с большими дулами – как из приключенческих фильмов.

Нас ожидал досмотр вещей и личный осмотр.

Он заключается в следующем. По очереди, совместно с другими заключенными, снимаешь майку и трясешь ею, это символизирует, что в ней ничего нет, бросаешь ее, потом снимаешь штаны, вытряхиваешь их, затем трусы, по команде выпячиваешь язык, скалишь зубы, подставляешь для осмотра уши. Пальцами рук тормошишь волосы, поворачиваешься спиной и показываешь вначале одну стопу, потом другую, поворачиваешься обратно и приседаешь три раза. Вдруг что вывалится.

Все по команде.

Поэтапно.

Долго.

В конце концов ты остаешься голым.

Беззащитным.

От этого смущаешься.

Поступила команда одеваться.

Нас пристегнули наручниками попарно и повели вереницей, так мы оказались в машине без окон.

Поехали.

Впереди меня ожидало одно из самых трудных испытаний в моей жизни...

Глава 4

«Пине́йрос» – чистилище

Гагоа

Нас привезли в другую тюрьму. Но это была не тюрьма «Итаи».

Ехали мы недолго: со всеми остановками,
я думаю, где-то час-полтора.

Процедура пересылки всегда очень не комфортная, так как сопровождается неоднократным раздеванием и обыском, долгим отсутствием еды, воды и возможности сходить в туалет.

По приезде нас опять раздели и досконально осмотрели.

Затем анкетировали, фотографировали в профиль и анфас, снимали отпечатки пальцев раз, наверное, пять. Зачем столько?

Все время, пока берут отпечатки у одного из заключенных, остальные стоят лицом к стене и на протяжении нескольких часов смотрят в нее.

Я пару раз обернулся, и тогда один из охранников подошел ко мне и что есть силы ударил прикладом автомата в железную стену рядом с моим ухом. Я был шокирован: шум от удара был колоссальный. Я сразу вперился в стену глазами так, что, казалось, мог бы просверлить ее взглядом.

Потом нас всех препроводили в одну большую камеру – метров восемьдесят. Она была прямо на улице. Как клетка в зоопарке.

В ней не было никаких предметов, кроме унитаза, одиноко стоявшего в одном из углов; еще был кран с водой.

В воздухе пахло канализацией.

Это была знаменитая бразильская тюрьма «Пине́йрос». Аналог российской «Бутырки». Самая крупная тюрьма Сан-Паулу. Ее название происходит от имени маленькой речки-вонючки Пине́йрос, протекающей рядом. В нее, по всей видимости, сливается городская канализация.

Часа через три нам раздали еду в пластиковой посуде – наподобие той, что дают в самолетах, только иного качества. Я не смог ее съесть: из-за стресса есть не хотелось. Да и запах канализации... Положил булку в карман, нашел себе место где-то в углу и сел на свои вьетнамки.

Через какое-то время стало темнеть.

Выпил воды из-под крана. По пути отдал первым попавшимся две свои булки хлеба (одна осталась у меня еще из «Парадането», не пригодилась). Настроения, как и аппетита, не было.

Наступил вечер.

Мы ждали, что нас отправят в «Итаи», но судьба распорядилась иначе.

Поздно вечером нас всех – и бразильцев, и иностранцев – подняли и стали группами направлять в разные блоки этой огромной тюрьмы.

Нашу группу привели вовнутрь тюрьмы. Перед нами предстало большое, размером с футбольное, бетонное поле, а по бокам – камеры, кишмящие людьми.

Стемнело, электричества в камерах не было. Нас с Даниэлом провели через это поле, открыли одну из камер, под завязку набитую заключенными, и мы зашли туда.

Это был ад.

Если меня спросят, что такое ад, я, наверное, смогу ответить.

Во всяком случае, у меня сложилось полное ощущение ада. В первые мгновения было даже чувство легкого обморока.

Попробую описать.

Там было темно – я видел только белые белки глаз африканцев и повсюду красные точки тлеющих сигарет, которых было множество; стоял дым, было накурено, как в клубе после концерта, только все это еще сопровождалось смрадным запахом. Гвалт голосов. Скопище людей. Куда бы я ни дернулся, все время на кого-то натыкался или кто-то трогал меня.

Мне что-то говорили, кричали. Я ничего не понимал.

Ужасные, страшные ощущения.

Самое главное, я не понимал, что мне делать и куда идти.

Где я? Где мне можно просто сесть?

Остался рядом с решеткой.

За этот день мы все очень устали. Я почти не ел.

Я был в шоке.

Посмотрел на вошедших со мной. Все они, включая Даниэла, пребывали в схожем состоянии. Нас встретил вожак этого разнорасового сброда, большой черный негр (я потом назвал его Бигмэном). Он начал спрашивать, кто мы и откуда, за что мы здесь и так далее. Он сносно говорил на английском.

Нам, вновь прибывшим, он определил единственное свободное место – клочок пола у решетки, продуваемый всеми ветрами. У меня из одежды была только белая футболка и хлопковые штаны.

Как ночевать на ледяном бетоне, я не представлял.

Неожиданно людская масса зашевелилась, стали устраиваться на ночлег. Все это происходило очень быстро.

Даниэл пришел в себя (я же все еще был в оцепенении) и стал на всех известных ему языках, включая язык жестов, очень эмоционально объяснять Бигмэну и всем остальным, которые уже улеглись, что у нас нет никаких вещей и что мы замерзнем.

Надо отдать должное Бигмэну: он проявил себя как настоящий вожак. По-своему, с важностью, присущей рэперам-афроамериканцам, стал обращаться к остальным с призывом поделиться с хлопцами кто чем может. Желающих было немного, нам дали два покрывала – было уже на чем лежать.

Но этого было явно недостаточно.

Даниэл вновь обратился к людскому состраданию, сказав примерно следующее: «Русо, ложись на пол, пусть им стыдно будет».

Я пребывал в ступоре и молился, говоря про себя: «Бог не оставит меня».

Бигмэн понял, что одними призывами здесь не обойтись, и вырвал у кого-то хорошее одеяло и передал его мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.